

раетъ гораздо раньше срока, когда его организмъ совсѣмъ ослабѣлъ, или даже умираетъ въ ранней молодости, то можно говорить о достиженіи разныхъ цѣлей, о рѣшеніи разныхъ задачъ, которыя были неразрывно связаны съ его жизнью. Человѣкъ полагаетъ главную цѣль своей жизни въ созданіи научныхъ или художественныхъ произведеній; онъ считаетъ наиболѣе важнымъ и цѣннымъ открытіе новыхъ странъ и изученіе невѣдомыхъ народовъ; всѣ его помыслы посвящены какому-нибудь техническому изобрѣтенію; онъ задался мыслью содѣйствовать проведенію въ жизнь закона, который важенъ для какой-либо стороны жизни многихъ милліоновъ людей; даже не думая о благѣ другихъ, онъ старается измѣнить къ лучшему санитарное состояніе большого города, который ввѣренъ его управленію. Въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, можно сплошь и рядомъ сказать о человѣкѣ, что онъ рѣшилъ цѣлый рядъ важныхъ жизненныхъ задачъ, тѣсно связанныхъ съ его индивидуальными особенностями, хотя смерть пришла къ нему въ 50, 40, даже 30 лѣтъ. Какъ бы ни была, съ извѣстной точки зрѣнія, пуста и легкомысленна жизнь Пушкина, онъ, проживъ только 37 лѣтъ, рѣшилъ перво-степенныя задачи искусства въ художественныхъ образахъ, которые завѣщала потомкамъ. Рубенсъ и Рембрандтъ прожили болѣе 60 лѣтъ каждый, Диккенсъ болѣе 70, а Гюго — слишкомъ 80. Какова бы ни была ихъ личная жизнь, однако они, не переживъ и 40 лѣтъ, все же оставили бы потомкамъ первоклассныя произведенія искусства; эти творенія давали бы основаніе сказать, что смерть пришла къ нимъ не раньше, чѣмъ они рѣшили разные задачи, въ которыхъ видѣли личное благо жизни.

Въ связи съ этимъ представляется забавною тирада Толстого о безсмысленности всей жизни. Если я признаю безсмысленною мою жизнь даже въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя вовсе не даютъ права говорить о роскоши, прихотяхъ, ложныхъ потребностяхъ, то неволью начну отрицать смыслъ въ жизни всѣхъ людей. Если я считаю основныя потребности моей природы, скажемъ, животной личности, ничтожными, то какъ могу я считать важными такія же потребности другихъ? Отрицаніе смысла жизни неизбѣжно ведетъ человѣка къ тому, что онъ относится отрицательно къ жизни всѣхъ и радостно идетъ навстрѣчу смерти.

Путь странныхъ, бездоказательныхъ разсужденій приводитъ Толстого къ совершенно нелѣпому утвержденію, будто, ни одно существованіе, какъ плотское, не можетъ быть счастливѣе дру-